

Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 г. ¹⁾

Одновременно съ выступленіемъ І арміи изъ Дрисскаго лагеря и движеніемъ ея къ Полоцку и Витебску, гр. Витгенштейнъ получилъ отъ Барклая-де-Толли предписаніе: остаться на занимаемой позиціи у Дриссы, прикрывать пространство къ сѣверу отъ Двины и отходить въ случаѣ отступленія на Себежъ и Псковъ. Войска, ему ввѣренныя, по присоединеніи къ нимъ запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ генераль-маіоровъ Гамена, и кн. Репнина, состояли изъ 36 баталіоновъ, 27 эскадроновъ и І казач. полка въ числѣ 25.000 ч. при 108 орудіяхъ. Ближайшими его сподвижниками были: генераль Довре—начал. штаба, полковникъ Дибичъ—оберъ-квартирмейстеръ, кн. Яшвиль—начал. артиллеріи. Со стороны Наполеона, кромѣ маршала Макдональда, которому были поручены дѣйствія въ Балтійскомъ краѣ и овладѣніе Ригю, былъ назначенъ для противодѣйствія Витгенштейну корпусъ маршала Удино, усиленный вскорѣ корпусомъ Сень-Сира. Однако жъ операціи обоихъ маршаловъ на протяженіи 300 верстъ не могли имѣть взаимной связи, и это побудило гр. Витгенштейна занять центральную позицію у Расицы, выждать дѣйствія непріятельскихъ корпусовъ и напасть съ главными силами на ближайшій изъ нихъ, оставивъ небольшой отрядъ для задержанія другого. Между тѣмъ авангардъ его, подъ начальствомъ генер. Кульнева, посланный 13-го (25) іюля за Двину, уничтожилъ непріятельскій транспортъ и взялъ при этомъ 434 ч. въ плѣнъ. Нѣсколько дней спустя Витгенштейнъ получилъ донесенія, что Удино наступаетъ изъ Полоцка

¹⁾ См. „Русская Старина“, сентябрь 1912

по Петербургской дорогѣ; тогда онъ рѣшился атаковать противника во время его движенія. Это повело къ сраженіямъ 18-го (30) и 19 (31) іюля при Клястицахъ и 20-го (1 авг.) при Головщицѣ; побѣжденный маршалъ былъ вынужденъ возвратиться въ Полоцкъ. Съ прибытіемъ Сень-Сира, Удино предпринялъ новое наступленіе; произошли новыя кровопролитныя встрѣчи, при чемъ оба полководца были ранены: Витгенштейнъ—легко, Удино столь тяжело, что долженъ былъ сдать главное начальство своему товарищу. Не взирая однако жъ на значительное превосходство въ силахъ непріятели, Витгенштейнъ такъ успѣшно боролся съ нимъ въ сраженіяхъ 5-го (17) и 6-го (18) августа при Полоцкѣ, что Сень-Сиръ отошелъ, наконецъ, въ самый городъ и укрѣпился въ немъ, а противникъ его занялъ въ 30 верстахъ оттуда укрѣпленную позицію у Сивошины. Въ такомъ положеніи оставались оба военачальника до 4-го (16) октября, ограничиваясь малою войною.

Какъ извѣстно, II армія находилась въ началѣ іюля въ движеніи къ Бобруйску, куда она подошла 6 (18) числа. На другой день было получено тамъ изъ Дриссы повелѣніе: спѣшить черезъ Могилевъ и Оршу на соединеніе съ I арміею. Но въ то же время пришло извѣстіе о слѣдованіи маршала Даву изъ Минска въ Игумень. Тогда кн. Багратіонъ, надѣясь предупредить непріятели въ Могилевѣ, немедленно выслалъ туда корпусъ Раевского, а на слѣдующее утро, 8 (20) іюля, послѣдовалъ за нимъ съ прочими войсками, усиленными шестью резервными баталіонами изъ числа 18-ти, составлявшихъ Бобруйскій гарнизонъ. Однако Даву также спѣшилъ къ Могилеву. Возложивъ на кавалерійскій корпусъ Груши, отряженный имъ къ главной арміи Наполеона, овладѣніе Борисовымъ, онъ двинулся къ Днѣпру и уже 8-го (20) утромъ подошелъ съ главными силами ¹⁾ къ Могилеву. Слабый гарнизонъ города, къ которому присоединились 400 ч., отступившіе передъ тѣмъ изъ Борисова, хотя и далъ подъ начальствомъ полковника Грессера энергическій отпоръ, долженъ былъ, однако, вскорѣ отойти и былъ при дальнѣйшемъ отступленіи сильно тѣснимъ непріятельской конницею. При этомъ—отступленія Грессеръ встрѣтился на слѣдующій день, 9-го (21) ч., съ авангардомъ Раевского и получилъ неожиданную помощь: драгуны и казаки послѣдняго внезапно набросились на преслѣдовавшихъ его французскихъ конныхъ егерей и нанесли имъ полное пораженіе; одними плѣнными французы потеряли полковника, 8 офи-

¹⁾ Пѣхотныя дивизіи Деве и Компанъ, кавалерійская Валанса и кавал. бригада Пажоя и Бордусель.

церовъ и болѣе 200 нижнихъ чиновъ ¹⁾). Своевременнымъ и почти безпрепятственнымъ занятіемъ Могилева маршалъ Даву былъ отчасти обязанъ тому обстоятельству, что не встрѣтилъ никакого отпора со стороны Борисова на Березинѣ. Между тѣмъ пунктъ этотъ, какъ видно изъ записокъ Барклая, былъ приведенъ въ оборонительное положеніе, вооруженъ 18-ю тяжелыми орудіями и занятъ двумя баталіонами ²⁾). Онъ не могъ, конечно, воспрепятствовать противнику дальнѣйшее движеніе, но овладѣніе имъ задержало бы маршала Даву и лишило бы его возможности предупредить кн. Багратіона въ Могилевѣ. Между тѣмъ Борисовъ, читаемъ въ тѣхъ же запискахъ, „вслѣдствіе ошибочнаго взгляда главнокомандующаго II арміею былъ обезоруженъ, что затруднило впоследствии соединеніе обѣихъ армій“.

Однако жъ, овладѣніе Могилевомъ составляло для насъ такую же необходимость, какъ для противника удержаніе этого пункта за собою. При такихъ условіяхъ бой сдѣлался неизбежнымъ; и дѣйствительно, онъ состоялся 11 (23) іюля у д. Салтановки.

За неимѣніемъ хорошей позиціи у Могилева, маршалъ Даву выдвинулъ свои войска, въ которыхъ считалось 26—28.000 ч., по дорогѣ къ Старому-Быхову и расположилъ ихъ на лѣвомъ берегу ручья, впадающаго въ Днѣпръ у Салтановки. Фронтъ этой позиціи, наскоро укрѣпленный, представлялъ хорошую оборону; лѣвый флангъ упирался въ Днѣпръ; правый же флангъ былъ открытъ и легко могъ быть обойденъ, въ виду чего большая часть пѣхоты и вся кавалерія непріятеля были эшелонированы на этомъ флангѣ. При значительномъ превосходствѣ въ силахъ кн. Багратіону не трудно было обойти позиціи французовъ и заставить ихъ принять бой при менѣе выгодныхъ условіяхъ; для этого нужно было только выждать прибытія главныхъ силъ арміи, которыя могли присоединиться къ Раевскому 11-го (23) вечеромъ. Въмѣсто того Багратіонъ приказалъ Раевскому, у котораго было не болѣе 15.000 ч., атаковать противника 11-го утромъ. Послѣдствія такого распоряженія не могли быть благопріятны: фронтальныя атаки Колюбакина и Паскевича, несмотря на храбрость войскъ и самоотверженіе начальниковъ, были отбиты, и кровопролитный бой окончился отступленіемъ 7-го корпуса къ тому мѣсту, отъ котораго дѣйствія начались и куда къ ночи подошли прочія войска II арміи ³⁾). Потеря обѣихъ сторонъ

¹⁾ Исторія отечественной войны 1812 г. М. Богдановича. Т. I, стр. 213.

²⁾ Собственноручная замѣтка Барклая-де-Толли.

³⁾ Багратіонъ не зналъ точнаго исчисленія силъ Даву, а потому ему было выгодно—привязавъ Даву къ Могилеву, уйти съ II арміею на лѣвый берегъ Днѣпра, что ему и удалось вполне. *Ред.*

была значительна: у непріятели она составляла около 3.400 ч. ¹⁾, у насъ—2.504 ч. ¹⁾. На другой день Даву ожидалъ вторичнаго нападенія; но такового не послѣдовало: II армія отступала къ Новому-Быхову, гдѣ все было подготовлено къ переправѣ черезъ Днѣпръ. Одинъ только Раевскій оставался еще у Дашковки для прикрытія этого отступленія и затѣмъ послѣдовалъ за арміею. Отряды же Платова и Дорохова ²⁾ переправились у Дашковки и Ворколабова для скорѣйшаго присоединенія къ I арміи.

Атака Салтановской позиціи однимъ только корпусомъ Раевского и заблаговременныя приготовленія къ переправѣ у Новаго-Быхова вызываютъ предположеніе, что кн. Багратіонъ не имѣлъ твердаго намѣренія открыть себѣ дорогу черезъ Могилевъ и, быть можетъ, не признавалъ даже безотлагательное соединеніе обѣихъ западныхъ армій столь желательнымъ. Это подтверждается также разсказомъ Вольцогена о его встрѣчѣ съ Багратіономъ 13 (25) іюля у Новаго-Быхова. Онъ былъ посланъ изъ Витебска по полученіи тамъ разнорѣчивыхъ свѣдѣній о II арміи, дѣйствіями которой Барклай былъ недоволенъ; ему было поручено удостовѣриться въ положеніи дѣлъ, убѣдить кн. Багратіона въ необходимости скорѣйшаго соединенія и передать ему соотвѣтственное тому Высочайшее повелѣніе. Флигель-адъютантъ Вольцогенъ, заставшій II армію на мѣстѣ переправы черезъ Днѣпръ, не успѣлъ, однако, по собственному разсказу, убѣдить князя въ возможности движенія къ Смоленску, который согласился предпринять это движеніе лишь во исполненіе Высочайшей воли. Мотивы, руководившіе Багратіономъ, заключались, конечно, не въ желаніи уклониться отъ непосредственнаго подчиненія Барклаю, какъ утверждаютъ нѣкоторые иностранные писатели, а также и не въ томъ, будто онъ признавалъ полезнѣе сохранить за II арміею самостоятельную роль, возложенную на нее первоначальнымъ планомъ дѣйствій, какъ предполагаютъ другіе; онъ просто считалъ маршала Даву несравненно сильнѣе, нежели тотъ былъ въ дѣйствительности, и былъ убѣжденъ, что будетъ имъ предупрежденъ въ Смоленскѣ.

Извѣстія, привезенныя поруч. кн. Меншиковымъ о переправѣ черезъ Днѣпръ и дальнѣйшемъ движеніи кн. Багратіона, освободили Барклая отъ необходимости дать сраженіе. По этому поводу наши военные писатели передаютъ подробности, не вполнѣ соотвѣтствующія истинѣ. У одного ³⁾ читаемъ, что означенныя извѣстія получены

¹⁾ М. Богдановичъ. Исторія отечественной войны 1812 г. Ч. I, стр. 216.

²⁾ I-й егерскій и Изюмскій гусарскій полки, 18-й егерскій п. былъ оставленъ въ II арміи.

³⁾ Михайловскій-Данилевскій.

утромъ 16 (28) іюля на самой позиціи, въ ту рѣшительную минуту, когда долженъ былъ послѣдовать сигналъ къ началу битвы; но это опровергается тѣмъ простымъ фактомъ, что Меншиковъ пріѣхалъ наканунѣ, хотя и поздно вечеромъ. Другой ¹⁾ приводитъ разсказъ Ермолова, будто Барклай и по полученіи означенныхъ извѣстій не хотѣлъ отказаться отъ сраженія и оставилъ свое намѣреніе лишь по настоянію его, Ермолова, предрекавшаго въ случаѣ боя неизбежную гибель арміи. Не говоря о томъ, что совѣты Ермолова до изданія его собственныхъ записокъ никому не были извѣстны, такое представленіе съ его стороны очень невѣроятно уже по той причинѣ, что оно противорѣчитъ національнымъ требованіямъ тогдашнихъ вождей, которыхъ онъ былъ душою. Съ другой стороны, приписываемое главнокомандующему намѣреніе совершенно не соотвѣтствуетъ той системѣ дѣйствій, которой Барклай вопреки этимъ требованіямъ непоколебимо держался. Можно даже сомнѣваться, имѣлъ ли онъ вообще намѣреніе принять подъ Витебскомъ бой. Если у него такое намѣреніе было, то, конечно, съ исключительною цѣлью выручки II арміи, предполагавшейся въ движеніи изъ Могилева къ Оршѣ, гдѣ она, въ случаѣ безостановочнаго отступленія I арміи, была бы подавлена всѣми силами Наполеона и Даву. Но очевидно, что съ исчезновеніемъ этой цѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякаго, хотя бы отдаленнаго содѣйствія со стороны кн. Багратіона, Барклай не могъ настаивать на сраженіи, которое, сдѣлавшись бесполезнымъ, стало въ его глазахъ преступнымъ жертвованіемъ арміею. „Самая побѣда, писалъ онъ, не принесла бы намъ пользы, если бы Даву занялъ между тѣмъ Смоленскъ; я пожертвовалъ бы 20-ю или 25-ю тысячами человѣкъ, не имѣя способа, даже по одержаніи побѣды, преслѣдовать непріятеля“ ²⁾. Мысли Барклая по этому предмету еще точнѣе выражены имъ въ собственноручныхъ замѣткахъ, въ которыхъ читаемъ: „Наполеонъ не зналъ своего противника и рассчитывалъ невѣрно. Ввести его въ заблужденіе могло также общее состояніе духа русской арміи, горѣвшей нетерпѣніемъ сразиться, и публичныя заявленія ея вождя, только и говорившаго о предстоящемъ сраженіи; онъ не зналъ, что этотъ вѣтеранъ далъ своему монарху слово не подвергать армію бесполезной опасности, потому что отъ сохраненія арміи зависѣло сохраненіе государства ³⁾“. Тѣмъ не менѣе Барклай остался вѣренъ своему правилу не торопиться отступленіемъ. И теперь еще было

¹⁾ М. Богдановичъ.

²⁾ Изображеніе военныхъ дѣйствій I арміи.

³⁾ Собственноручныя замѣтки Барклая.

необходимо продлить заблужденіе Наполеона и вызвать съ его стороны усиленныя распоряженія къ скорѣйшему, а потому и изнурительному, сосредоточенію войскъ. И дѣйствительно, въ то самое время, какъ русскій главнокомандующій высылалъ генералу Винцингероде приказаніе выдвинуться съ резервными баталіонами и двумя казачьими полками Платова для прикрытія Смоленска къ Красному ¹⁾, а атаману занять съ тою же цѣлью остальными войсками своего отряда Ліозну ²⁾, какъ онъ направлялъ свои обозы къ Порѣчью, а главныя тяжести къ Дорогобужу,—ординарцы императора французовъ скакали навстрѣчу спѣшившихъ колоннъ съ повелѣніемъ еще болѣе ускорить движеніе ³⁾, хотя жара въ эти дни доходила до 28° въ тѣни. Утромъ 16-го (28) іюля Барклай-де-Толли поставилъ армію въ ружье, выдвинулъ нѣсколько егерскихъ полковъ въ подкрѣпленіе гр. Палену и поставилъ между нимъ и арміею часть кавалеріи съ ея конною артиллеріею, словомъ, сдѣлалъ всѣ приготовленія къ бою, и имѣлъ удовлетвореніе видѣть, какъ непріятель занялся рекогносцировками и расположеніемъ своихъ войскъ по мѣрѣ ихъ прибытія ⁴⁾. Между тѣмъ всѣ подготовленія къ постепенному, спокойному и незамѣтному отступленію нашихъ войскъ были сдѣланы.

Гр. Палень, получившій приказаніе преградить непріятелю доступъ къ Витебску и усиленный съ этою цѣлью до 14-ти баталіоновъ, 32-хъ эскадроновъ и 2-хъ казачьихъ полковъ съ 40 орудіями, поставилъ свой отрядъ въ 8-ми верстахъ отъ города, на растянутой позиціи, прикрытой на правомъ флангѣ Двиною, а съ фронта впадающею въ нее рѣчкою. Вскорѣ пѣхотная дивизія Брусье, предшествуемая 16-мъ конно-егерскимъ полкомъ, показалась передъ Паленомъ. Дѣло началось возобновленіемъ разрушеннаго моста черезъ рѣчку, при чемъ рабочіе и ихъ прикрытіе сильно пострадали отъ огня нашей конной артиллеріи. Затѣмъ французы смѣло бросились въ атаку, и бой распространился по всей линіи. Тѣмъ не менѣе гр. Палень стойко держался и такъ искусно велъ дѣло, что Барклай, слѣдившій за его дѣйствіями, послалъ адъютанта выразить ему свою признательность ⁴⁾. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что Наполеонъ, также слѣдившій за ходомъ дѣла, не хотѣлъ въ этотъ день дѣйствовать рѣшительно; онъ, напротивъ, желалъ усыпить бдительность русскаго главнокомандующаго, успокоить его

¹⁾ Собственноручныя замѣтки Барклая.

²⁾ Tiers. Histoire du Consulat et de L'Empire.

³⁾ Собственноручныя замѣтки Барклая-де-Толли.

⁴⁾ Левенштернъ. Denkwürdigkeiten eines Livländers. стр. 186.

относительно своихъ дѣйствительныхъ силъ и тѣмъ вѣриѣ нанести ему на слѣдующій день полное пораженіе. Только далеко за полдень были высланы прочіе кавалерійскіе полки корпуса Нансуги и пѣхотная дивизія Дельзона для подкрѣпленія Брусье; удерживаться противъ всѣхъ этихъ войскъ было невозможно, и гр. Паленъ отступилъ за Лучесу. Это было въ пятомъ часу. Но тогда отступление заднихъ линій нашей арміи уже было начато, и за ними мало-помалу стали отходить и передовыя войска, такъ что къ ночи остался на позиціи одинъ только отрядъ Палена, поддерживавшій на всемъ ея протяженіи бивачные огни. Изъ войскъ этого отряда были составлены три арріергарда подъ начальствомъ Палена, Корфа и Шевича съ назначеніемъ прикрывать отступление трехъ колоннъ арміи къ Порѣчью и Руднѣ.

Такъ совершилось знаменитое отступление отъ Витебска, лишившее Наполеона побѣды, въ которую онъ такъ твердо вѣрилъ и въ которой онъ такъ сильно нуждался. Неожиданное, почти безслѣдное исчезновеніе русской арміи вызвало у французовъ глубокое разочарованіе, и у ихъ императора первыя сомнѣнія относительно послѣдствій задуманнаго имъ предпріятія. Полтора мѣсяца война уже тянулась,—а что было достигнуто? Искусныя комбинаціи противъ II арміи не удались: она безпрепятственно отходила къ Смоленску. Всѣ операціи противъ I арміи съ цѣлью отрѣзать фланговые корпусы, обойти лѣвое крыло, уничтожить ее въ Дрисскомъ лагерѣ или нанести полное пораженіе подъ Витебскомъ, не имѣли успѣха: она спокойно достигала постановленную себѣ цѣль. Наконецъ, и второстепенныя, иногда кровопролитныя дѣла имѣли въ результатѣ только потери и крайнее утомленіе войскъ. Между тѣмъ изъ 300.000 чел., направленныхъ по переходѣ черезъ Нѣманъ противъ Багратіона и Барклая, теперь, по достиженіи Могилева и Витебска, оставалось едва 200.000 ч. Но столь же безотрадно было и внутреннее состояніе арміи. Продолжительныя и спѣшныя движенія и передвиженія войскъ до такой степени затруднили продовольствіе ихъ, что многія части уже тогда терпѣли отъ недостатка здоровой пищи. Собранные на операціонномъ базисѣ запасы были громадныя, но перевозочныя средства, по мѣрѣ удаленія арміи, часто оказывались недостаточными. Точно также и реквизиціи, къ которымъ Наполеонъ такъ охотно прибѣгалъ, въ странѣ вообще скудной и малонаселенной, не имѣли успѣха; пользоваться ими могли развѣ только привелегированныя части: главная квартира, штабы, гвардія; масса же должна была довольствоваться наскоро варенымъ мясомъ только что убитыхъ быковъ, часто безъ соли и хлѣба. Къ такимъ неудачамъ и лишеніямъ войска, привыкшія къ

побѣдамъ и довольству, не были подготовлены; это повліяло на духъ ихъ; на дисциплину, такъ что случаи мародерства и тогда не составляли исключенія. Также и лошади много терпѣли отъ незрѣлаго хлѣба, которымъ кормились на поляхъ; уже подъ Витебскомъ множество кавалеристовъ оставались при полкахъ пѣшими въ ожиданіи ремонтовъ. Артиллерія пополняла свою убыль изъ обоза, становившагося еще болѣе неподвижнымъ. Всѣ эти обстоятельства не могли не вызвать безпокойства у войсковыхъ начальниковъ, а также у самого императора, начинавшаго понимать, что безотлагательная побѣда стала для него вопросомъ жизни. Видя повсюду унылыя лица, Наполеонъ принялъ рѣшеніе, совершенно не соответствовавшее его нраву и тогдашнему образу дѣйствій, рѣшеніе посоветоваться съ тѣми, которымъ онъ до тѣхъ поръ только приказывалъ. Многіе писатели полагаютъ, что это совѣщаніе состоялось у Смоленска, другіе же относятъ таковое ко времени пребыванія въ Витебскѣ, что гораздо вѣроятнѣе; наступленіе на Смоленскъ повело къ безостановочнымъ военнымъ дѣйствіямъ, тогда какъ у Витебска произошелъ необходимый перерывъ, дававшій возможность привлечь къ отвѣту главныхъ сподвижниковъ почти всей сосредоточенной тамъ арміи. Къ тому же высказанныя въ немъ мысли могли быть произнесены только при тогдашнихъ обстоятельствахъ у Витебска. Главный предметъ совѣщанія заключался въ томъ, продолжать ли по-прежнему начатую кампанію, или же, какъ нѣкоторые предлагали, остановиться на рубежѣ Литвы, занять просторныя квартиры, прикрываясь Днѣпромъ и Двиною, организовать внутреннее управленіе и вооруженіе края и затѣмъ, весною, возобновить войну со свѣжими силами. Мысль о пріостановленіи военныхъ дѣйствій, когда ничего еще не было достигнуто и при томъ въ лучшее время года, до того противорѣчила характеру Наполеона и его образу дѣйствій, что обсужденіе этого вопроса въ совѣтѣ объясняется лишь его желаніемъ выставить всю ея несостоятельность: „Нельзя, говорилъ онъ, дать время противнику окончить вооруженія, изъ которыхъ многія лишь начаты; нужно идти впередъ и наносить рѣшительные удары. Смоленскъ, Москва не будутъ оставлены безъ борьбы: желаемого сраженія и побѣды намъ не долго ждать. Предпріятія подобныя нашему удаются однимъ полетомъ или никогда; наши войска охотно идутъ впередъ, наступленіе ихъ оживляетъ. Мое искусство заключается въ сраженіи, моя политика—въ успѣхѣ. Для насъ ничего нѣтъ опаснѣе затянутой войны“ ¹⁾ Наполеонъ былъ правъ, говоря объ опасности затягивать войну; тѣмъ не ме-

¹⁾ Er. von Smitt, Aufklärung über den Krieg von 1812.

нѣе ускорить дѣйствія онъ и теперь не могъ: нужно было войскамъ дать нѣкоторый покой и возстановить продовольствіе. А потому преслѣдованіе нашихъ арріергардовъ производилось весьма слабо, и собранныя войска расположились для отдыха у Витебска, Порѣчья, Рудни и Орши, однако же съ такимъ расчетомъ, чтобы, въ случаѣ наступленія русскихъ армій, можно было сосредоточить въ одинъ переходъ болѣе 100.000 войскъ для ихъ встрѣчи и употребить почти такое же число для охвата ихъ фланга и тыла и овладѣнія Смоленскомъ. Наполеонъ предполагалъ, что послѣ соединенія нашихъ армій жажда подвиговъ и кажущаяся легкость успѣха увлечетъ ихъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ; поэтому онъ самъ распространялъ слухъ о вынужденномъ застоѣ и необходимомъ растяженіи его арміи ¹⁾. Такою западнею онъ надѣялся достигнуть столь желаемой развязки.

Между тѣмъ наши арміи подходили къ Смоленску и расположились лагеремъ: Первая 20 іюля (1 августа) на правомъ берегу, а вторая 22 іюля (3 авг.), на лѣвомъ берегу Днѣпра. Арріергарды Палена и Шевича, первый усиленный кавалеріею Корфа, прикрывали по-прежнему I армію по дорогамъ въ Порѣчье и Рудню. Наблюденіе за лѣвымъ флангомъ противника было возложено на генерала Винцингероде съ отрядомъ изъ 1 драгунскаго и 4 казачьихъ полковъ; находившіяся же въ Красномъ подъ его начальствомъ резервныя части оставлены тамъ до прибытія 27-й дивизіи Невѣровскаго. Наканунѣ прибытія своей арміи кн. Багратіонъ, въ сопровожденіи своего штаба и генераловъ Раевского, Бороздина, Васильчикова, Паскевича и гр. Воронцова ²⁾, пріѣхалъ въ Смоленскъ, къ Барклаю, который въ свою очередь, не успѣвъ предупредить старшаго въ чинѣ товарища, поспѣшилъ надѣтъ шарфъ и встрѣтить его со словами: „а я уже готовъ былъ ѣхать къ Вамъ“ ³⁾. Эта взаимная учтивость произвела наилучшее впечатлѣніе, но не могла, конечно, устранить затрудненія въ взаимныхъ отношеніяхъ главнокомандующихъ; напротивъ, затрудненія могли увеличиться, такъ какъ передавать Высочайшія повелѣнія безъ оффиціального полномочія было легче письменно, пересылкою, нежели устно и непосредственно. Императоръ Александръ, лично возложившій обязанности и отвѣтственность главнаго вождя на Барклая, даже и теперь не пожелалъ высказать это въ рескриптахъ ⁴⁾, посланныхъ обоимъ

¹⁾ Spectateur militaire.

²⁾ Записки адъютанта Барклая, Левенштерна, стр. 188.

³⁾ Записки Левенштерна, стр. 188. М. Богдановича, I часть, стр. 219.

⁴⁾ Отъ 28 іюля.

главнокомандующимъ по случаю ихъ соединенія. Барклаю онъ писалъ: „Я весьма обрадовался, услышавъ о добромъ согласіи Вашемъ съ кн. Багратиономъ. Вы сами чувствуете всю важность настоящаго времени, и что всякая личность должна быть устранена“, а Багратиону: „Я увѣренъ, что въ настоящее, столь важное для отечества время, вы отстраните всѣ личныя побужденія и будете дѣйствовать единодушно и съ непрерывнымъ согласіемъ, чѣмъ пріобрѣтете новое право на мою признательность“¹⁾. Очевидно, что подобными увѣщаніями дѣло не разрѣшалось: Багратионъ какъ будто и подчинялся Барклаю, и это подчиненіе, какъ добровольное, было всѣми прославлено; но въ этой-то добровольности и заключался вредъ, такъ какъ она связывала не перваго, а послѣдняго. И дѣйствительно, вскорѣ обнаружилось, что Багратионъ подчинялся лишь настолько, на сколько его мнѣніе, т. е. мнѣніе стоявшихъ за нимъ лицъ, было признаваемо; къ этимъ лицамъ примкнули, конечно, и всѣ недоброжелатели изъ главной квартиры I арміи. Для Барклая же наступило время ненавистныхъ ему компромиссовъ, то тяжелое время, которое онъ самъ описываетъ въ поданной имъ впоследствии монарху запискѣ слѣдующимъ образомъ: „Никогда еще высшій начальникъ кабой бы ни было арміи не находился въ такомъ положеніи, какъ я въ это время. Оба главнокомандующіе соединенныхъ армій одинаково и исключительно зависѣли отъ Вашего Величества и имѣли равныя права. Оба могли непосредственно доносить Вашему Величеству и располагать по собственному усмотрѣнію ввѣренными имъ войсками. По званію военнаго министра я имѣлъ, конечно, право, объявлять именемъ Вашего Величества Высочайшія повелѣнія; но въ дѣлахъ, отъ которыхъ зависѣла участь всей Россіи, я не могъ пользоваться этимъ правомъ безъ особаго на то полномочія. Такимъ образомъ, для достиженія согласныхъ, къ одной цѣли направленныхъ дѣйствій, я былъ вынужденъ употребить всевозможныя средства къ поддержанію между княземъ и мною единодушія; я долженъ былъ льстить его самолюбію и дѣлать уступки противъ собственнаго убѣжденія, дабы въ болѣе важныхъ случаяхъ сохранить возможность настаивать съ лучшимъ успѣхомъ: словомъ, я долженъ былъ понудить себя къ пріемамъ для меня чуждымъ и не соотвѣтствующимъ моему характеру и моимъ чувствамъ. Но я думалъ, что цѣль мною вполнѣ достигнута; однако ближайшія послѣдствія убѣдили меня въ противномъ“.

Первымъ шагомъ взаимнаго соглашенія была высылка 27 дивизіи Невѣровскаго, усиленной частью Смоленскаго ополченія, Харь-

¹⁾ М. Богдановичъ. Исторія войны 1812 года. Т. I, стр. 219.

ковскимъ драгунскимъ и тремя казачьими полками, въ Красный, на смѣну резервныхъ частей, поступившихъ вмѣстѣ съ оставшимися въ Смоленскѣ, всего 17 баталіоновъ и 4 артиллерійскія роты, на укомплектованіе войскъ обѣихъ армій ¹⁾. Затѣмъ было приступлено къ обсужденію дальнѣйшихъ дѣйствій соединенныхъ армій, но тутъ обнаружилось глубокое разногласіе между осторожнымъ Барклаемъ и кн. Багратиономъ, сдѣлавшимся орудіемъ той партіи, которая надѣялась безотлагательною атакою нанести растянутому неприятелю смертельный ударъ. Но этотъ разъ и Толь сдѣлался горячимъ, но, конечно, открытымъ сторонникомъ послѣдней идеи. Еще наканунѣ совѣщанія, къ которому были приглашены кн. Багратионъ, Великій Князь Константинъ Павловичъ, оба начальники штабовъ и генераль-квартирмейстеры обѣихъ армій и полковникъ Вольцогенъ, онъ представилъ Барклаю свой планъ наступательныхъ дѣйствій, заключавшійся въ томъ, чтобы быстрымъ движеніемъ на Рудню и Витебскъ разобщить противника и разбить отдѣльныя его части порознь. Насколько жажда рѣшительныхъ дѣйствій ослѣпляла тогда даже лучшихъ военныхъ людей, усматривается изъ письма Толя къ кн. Волконскому отъ 30 іюля, въ которомъ онъ, излагая свои комбинаціи, изображаетъ расположеніе и численность войскъ противника въ такомъ видѣ, что нашимъ арміямъ представлялась полная возможность атаковать съ успѣхомъ его центръ, въ которомъ могло сосредоточиться не болѣе 65.000 ч. Свѣдѣнія о неприятелѣ, полученныя Барклаемъ и Толемъ, одинаковы; разница только въ томъ, что первый, къ счастью, не находилъ въ нихъ того, что хотѣли видѣть другіе, т. е. что Наполеонъ ошибочно расположилъ свою армію. Впрочемъ, Барклай не отвергалъ наступленія; еще за три дня до созваннаго имъ совѣта и представленія ему плана Толя, онъ доносилъ Императору: „Я намѣренъ идти впередъ и атаковать ближайшій изъ неприятельскихъ корпусовъ, какъ мнѣ кажется, корпусъ Нея, у Рудни“ ²⁾. Но онъ разумѣлъ атаку въ смыслѣ общей системы его дѣйствій, т. е. нанесенія противнику возможнаго вреда, не допуская дѣла до преждевременной и потому гибельной развязки. И дѣйствительно, проигранное сраженіе между Смоленскомъ и Витебскомъ должно было имѣть послѣдствіемъ преслѣдованіе побѣжденной арміи до полнаго ея уничтоженія.

¹⁾ Находившіеся въ Смоленскѣ 8 резервныхъ эскадроновъ были отсланы въ Калугу, для образованія кадровъ войскъ, тамъ формировавшихся.

²⁾ Донесеніе Барклая-де-Толли отъ 22 іюля.

На собранномъ 25 іюля (6 августа) военномъ совѣтѣ, Барклай изложилъ причины, по которымъ необходимо дѣйствовать осторожно. „Мы имѣемъ дѣло съ предприимчивымъ противникомъ“, говорилъ онъ, „который не упуститъ случая завлечь и обойти насъ и тѣмъ вырвать изъ нашихъ рукъ первоначальную побѣду“¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на опасность, при выдвиженіи арміи, со стороны Порѣчья, гдѣ, по полученнымъ донесеніямъ, находилось 40.000 войскъ. Начавъ нападеніе съ Мюрата (на Рудню), что будетъ, если онъ отступитъ на Бабиновичи?—преслѣдовать его невозможно, такъ какъ мы, пока вице-король въ Порѣчьи, и на три перехода не можетъ удалиться отъ Смоленска²⁾. Но въ совѣтѣ, кромѣ Вольцогена, горячо поддерживали безотлагательное наступленіе, при чемъ Великій Князь особенно рѣзко настаивалъ на быстромъ его выполненіи. Въ такомъ же смыслѣ писалъ ему Императоръ, такъ что приказывать именемъ Монарха было невозможно. Барклаю оставалось только уступить, и онъ уступилъ, но поставилъ условіемъ не удаляться болѣе трехъ переходовъ отъ Смоленска³⁾. „Я никогда не замѣчалъ у Барклая такого внутренняго волненія, какъ тогда; онъ боролся съ самимъ собою; онъ сознавалъ возможные выгоды предпріятія, но чувствовалъ и сопряженные съ ними опасности“. Такъ пишетъ адъютантъ его Левенштернъ⁴⁾. Поставленное Барклаемъ условіе еще болѣе возбудило противъ него неудовольствіе и ненависть; но оно спасло армію отъ вѣрной катастрофы!

Утромъ 26 іюля (7 августа) обѣ арміи двинулись впередъ по направленію къ Руднѣ. Вторая армія, въ числѣ около 30.000 чел. регулярныхъ войскъ, имѣя передъ собою авангардъ Васильчикова, перешла черезъ Днѣпръ и далѣе въ Катань, при чемъ одинъ пѣхотный полкъ оставленъ былъ въ Смоленскѣ. Первая армія, въ которой считалось кромѣ казаковъ до 70.000 чел., слѣдовала двумя колоннами: лѣвая, Дохтурова (5 и 6 пѣхотные и 3 кавалерійскіе корпуса), съ авангардомъ гр. Палена впереди,—къ Приказь-Выдрѣ, а правая, Тучкова (2, 3, 4 пѣхотные, 1 и 2 кавалерійскіе корпуса), подъ прикрытіемъ авангарда Пассека, —туда же черезъ Стабно. Особый отрядъ генераль-маіора кн. Шаховскаго шелъ, въ видѣ бокового авангарда, правѣе Тучкова, а еще правѣе, къ Холму,—казачій отрядъ Краснова. Наконецъ, промежуточный отрядъ сохранялъ сообщеніе между арміями; Невѣровскому предписано удвоить бдительность къ сторонѣ Дубровны; казачьи посты высланы для на-

¹⁾ Bernhardi, Denkwürdigkeiten des Gr. Toll. Ч. I, стр. 342.

²⁾ Конфиденціальныя записки Барклая о кампаніи 1812 года.

³⁾ Bernhardi, Denkwürdigkeiten des Gr. Toll. Ч. I, стр. 342.

⁴⁾ Denkwürdigkeiten eines Livländers.

блюденія непріятели. Такимъ образомъ, все было обдуманно для обезпеченія общаго наступленія; однако, изъ принятыхъ мѣръ видно, что Барклай ожидалъ со стороны Наполеона предпріятія при первой возможности противъ одного изъ его фланговъ; но противъ котораго? Этого предугадать было невозможно.

Наступленіе должно было начаться 27 іюля выдвиженіемъ отряда казаковъ подъ начальствомъ атамана Платова, поддержаннаго легкими регулярными войсками. Онъ стоялъ съ десятию полками у Зарубенки, готовясь произвести нечаянное нападеніе на авангардъ противника у Молева-болота; на усиленіе его былъ назначенъ отрядъ гр. Палена, изъ 32-хъ эскадроновъ и 8-ми егерскихъ баталіоновъ, расположенный у Приказъ-Выдры. За этими передовыми войсками должно было продолжать наступленіе: первая армія къ Инкову, а вторая—къ Надвѣ. Все повидимому предвѣщало серьезныя дѣйствія, однакожь вышло иначе. Въ ночь на 27 іюля пришло отъ генераль-адъютанта Винцингероде извѣстіе, что у Порѣчья сосредоточиваются значительныя силы: корпусъ вице-короля Италійскаго, кавалерійскій корпусъ Нансути, кирасирская дивизія Дефранса; казаки же доносили, что передовые посты французовъ отступаютъ вездѣ, кромѣ по дорогѣ изъ Порѣчья ¹⁾. При такихъ обстоятельствахъ Барклай принялъ рѣшеніе ограничить начатое наступленіе подготовленнымъ нападеніемъ передовыхъ войскъ и перемѣстить арміи ближе къ угрожаемому направленію. Въ 3 часа утра 27 іюля онъ отправился лично къ гр. Палену и приказалъ ему дружно поддерживать Платова. Затѣмъ онъ перевелъ колонну Тучкова на Порѣченьскую дорогу и предложилъ Багратіону перейти къ Приказъ-Выдрѣ, откуда Дохтуровъ, по прибытіи II арміи, долженъ былъ слѣдовать на соединеніе съ I арміею.

Между тѣмъ предпріятое Платовымъ и Паленомъ нападеніе увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ. Первый, получивъ отъ начальника своего авангарда донесеніе о появленіи непріятельской кавалеріи и пѣхоты со стороны Лешны, выдвинулся впередъ и поставилъ 12 орудій казачьей конной артиллеріи на позицію. Генераль-маіоръ Денисовъ, командовавшій авангардомъ, опрокинулъ сначала у Молева-болота передовыя войска дивизіи Себастіана, но, встрѣтивъ главныя силы ея, отступилъ къ Платову. Тогда непріятель атаковалъ въ свою очередь нашъ отрядъ, при чемъ пѣхота его подошла къ нашей артиллеріи на столь близкое разстояніе, что ей грозила опасность; однако храбрые Донскіе полки Мельникова и Харитонова бросились на выручку батарей и вытѣснили против-

¹⁾ Denkwürdigkeiten des Gr. Toll. Ч. I, стр. 344.

ника. Это послужило сигналомъ къ общей атакѣ казаковъ, а также Изюмскихъ, Сумскихъ и Мариупольскихъ гусаръ, которые прекратили преслѣдованіе лишь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рудни и затѣмъ возвратились въ Лешню. Потеря французовъ была значительна; одними плѣнными они лишились болѣе 300 чел., въ томъ числѣ 10 офицеровъ. О нашей потерѣ свѣдѣній не осталось ¹⁾. Въ числѣ предметовъ, попавшихъ въ руки нашихъ казаковъ въ Молевъ-болотѣ, была записка Мюрата, найденная въ квартирѣ генерала Себастиани; въ этой запискѣ онъ извѣщалъ о предстоящемъ наступленіи русскихъ къ Руднѣ и предписывалъ отойти назадъ къ пѣхотѣ. Повидимому, Себастиани получилъ записку передъ самымъ появленіемъ казаковъ, иначе она не была бы найдена на его столѣ. Но какимъ образомъ предположенное нами наступленіе сдѣлалось извѣстнымъ Мюрату? Загадка эта осталась долго не разрѣшенной, и только нѣсколько лѣтъ спустя выяснилось, что письмо флигель-адъютанта кн. Любомирскаго къ своей матери, жившей въ своемъ имѣніи Ляды, попало, вѣроятно, въ руки Мюрата, имѣвшаго тамъ свою квартиру; въ письмѣ же этомъ Любомирскій, узнавъ изъ предшествовавшихъ разговоровъ о предполагавшемся движеніи и опасаясь за спокойствіе матери, просилъ ее выѣхать изъ Ляды ²⁾. Но въ то время записка Мюрата вызвала въ главной квартирѣ множество толковъ объ измѣнѣ, и національная партія обвиняла даже приближенныхъ главнокомандующаго Вольцогена и Левенштерна, а также состоявшаго при начальникѣ штаба II арміи Жанбара ³⁾. Барклай не вѣрилъ, конечно, подобнымъ обвиненіямъ и приписывалъ случившееся не измѣнѣ, а неосторожности и болтливости праздныхъ лицъ, которыхъ въ главной квартирѣ было такъ много. При томъ онъ слишкомъ хорошо зналъ Вольцогена и глубокую неприязнь прежняго прусскаго офицера къ злѣйшему врагу его отечества, чтобы не видѣть въ этихъ обвиненіяхъ одну только слѣпую ненависть къ иностранцу; а потому онъ оставилъ ихъ безъ вниманія. Иначе онъ отнесся къ подозрѣніямъ противъ Левенштерна, не потому, что сомнѣвался въ его безукоризненности, а потому, что особенныя обстоятельства требовали соответственнаго образа дѣйствій. Въ самомъ началѣ войны Левенштернъ былъ отправленъ изъ Видзы парламентаромъ къ Мюрату и провелъ тогда сутки у того самого генерала Себастиани, на столѣ котораго въ Молево-болотѣ была найдена записка; передъ послѣднимъ же движеніемъ къ Руднѣ, онъ

¹⁾ Богдановичъ. Исторія войны 1812 г. Т. I, стр. 233.

²⁾ Разсказъ этотъ, вполне правдоподобный, переданъ флигель-адъютанту Вольцогену кн. Меншиковымъ въ 1818 г. въ Ахенѣ. Wolzogen, Memoiren.

³⁾ Jean-Bart.

былъ посланъ съ порученіемъ на аванпосты. Это совпаденіе было на столько неблагоприятно, что Барклай, для предупрежденія возможнаго столкновенія между своимъ адъютантомъ и кѣмъ-либо изъ ярыхъ патріотовъ, призналъ нужнымъ удалить его на короткое время изъ главной квартиры; а потому онъ послалъ его послѣ сраженій подъ Смоленскомъ и при Дубинѣ съ бумагами къ гр. Ростопчину и просилъ его удержать Левенштерна подъ благовиднымъ предлогомъ въ Москвѣ ¹⁾. Тяжело было честному воину принять такое рѣшеніе и отказать ничего не подозрѣвавшему адъютанту въ просьбѣ не отправлять его въ Москву въ такое время, когда ожидалось сраженіе. „Необходимо, чтобы вы поѣхали, любезный Левенштернъ“, отвѣтилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ Барклай, „надѣюсь, что вы скоро возвратитесь, и полагаю, что во время вашего отсутствія сраженія не будетъ“ ²⁾. И дѣйствительно, уже двѣ недѣли спустя, подъ Бородиномъ, Левенштернъ находился опять при своемъ начальникѣ и былъ раненъ.

По полученіи извѣстія о передвиженіи войскъ лѣваго фланга французовъ къ Ліознѣ, а центра изъ Витебска къ Бабиновичамъ, главнокомандующій перевелъ I армію обратно къ Рудненской дорогѣ, съ тѣмъ, чтобы встрѣтить Наполеона, наступленіе котораго на Смоленскъ казалось несомнѣннымъ, на чрезвычайно выгодной позиціи при Волоковѣ. Замѣчательно, что въ то самое время, когда наши шовинисты настойчиво требовали наступленія, Наполеонъ предписывалъ Мюрату и Нею, слабымъ сопротивленіемъ у Рудни, увлечь русскихъ къ дальнѣйшему движенію, дабы обрушиться на нихъ затѣмъ подавляющимъ превосходствомъ своихъ силъ. Осторожный же и опытный Барклай предчувствовалъ это, какъ ясно видно изъ письма его къ женѣ отъ 27 іюля: „Я думалъ имѣть на дняхъ серьезное дѣло съ неприятелемъ, но онъ сталъ отходить и хочетъ повидимому устроить мнѣ ловушку; въ этомъ расчетѣ онъ будетъ, однако, обманутъ“ ³⁾. Непоколебимая твердость Барклая оградила снова армію отъ пораженія. Не малое однакожь было его удивленіе, когда узналъ, что II армія, оставленная имъ у Приказа-Выдры, безъ разрѣшенія, даже безъ вѣдома его, отведена къ Смоленску, — по недостатку въ хорошей водѣ. Только авангардъ ея и назначенный ему въ поддержку отрядъ кн. Горчакова остались у Волокова. Багратіонъ получилъ безотлагательно приглашеніе сблизиться съ I арміею, вслѣдствіе чего 8-й корпусъ двинулся къ Надвѣ

¹⁾ Письма Барклая-де-Толли гр. Ростопчину отъ 11 и 21 августа 1812 г.

²⁾ *Denkwürdigkeiten eines Livländers*. Ч. I, стр. 200.

³⁾ Письмо Барклая-де-Толли отъ 27 іюля 1812 г.

и соединился съ отрядами Васильчикова и Горчакова, 2-я кирасирская дивизія къ Катани, а 7-й корпусъ по пути 8-го корпуса, по которому онъ успѣлъ отойти только 12 верстъ.

Въ ночь на 3 (15) августа главнокомандующимъ было получено извѣстіе о предпріятіи Наполеона, названнаго Клаузевицомъ „самымъ неспіятнымъ“ во всей войнѣ. Предпріятіе это заключалось въ быстромъ перенесеніи всѣхъ силъ на лѣвую сторону Днѣпра, съ цѣлью охватить лѣвое крыло русскихъ армій, овладѣть въ тылу ихъ Смоленскомъ и принудить къ рѣшительной, окончательной битвѣ.

По полученіи перваго извѣстія о движеніи русскихъ въ Руднѣ, Наполеонъ, какъ уже сказано, поспѣшилъ сосредоточить войска въ раіонѣ: Ліозна, Бабиновичи, Любавичи и Расасна. Удостоверившись же, что осторожный Барклай не намѣренъ слишкомъ удаляться отъ Смоленска, онъ тотчасъ измѣнилъ свой планъ: войска, находившіяся на лѣвой сторонѣ Днѣпра, были направлены черезъ Романово на Смоленскъ, а прочія на Расасну и Хомино, для переправы по заготовленнымъ мостамъ и дальнѣйшаго слѣдованія на Красный и Смоленскъ. Мюратъ, Нея и три дивизіи Даву уже 1 (13) августа перешли черезъ Днѣпръ, а на другой день послѣдовали за ними всѣ прочія войска. Около 3 часовъ по полудни того же дня Мюратъ, имѣя за собою Нея, появился съ тремя кавалерійскими корпусами передъ Краснымъ и немедленно атаковалъ Невѣровскаго.

Выдающіеся военные авторитеты, Клаузевицъ, Сень-Сиръ и др. порицаютъ эту операцію Наполеона. Первый полагаетъ, что ему слѣдовало атаковать Барклая со стороны Рудни, гдѣ послѣдній готовился къ генеральному сраженію; а послѣдній находитъ, что всего лучше было бы исполнить это со стороны Порѣчья, какъ сначала ожидалъ и Барклай. Но, вѣроятно, Наполеонъ, какъ онъ и самъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ, опасался новаго уклоненія русскаго главнокомандующаго отъ рѣшительнаго боя и надѣялся, неожиданнымъ занятіемъ Смоленска и главнаго пути къ Москвѣ, вынудить его къ таковому. И нельзя не согласиться, что если бы русскія арміи не оставались въ столь близкомъ разстояніи отъ Смоленска, маневръ Наполеона, мастерски исполненный, имѣлъ бы полный успѣхъ.

Сопротивленіе Невѣровскаго, атакованнаго кавалерійскими корпусами Груши, Нансути и Монбрюна и пѣхотнымъ Нея, не могло быть продолжительнымъ. Сначала отступили драгуны, а потомъ стала отходить пѣхота, построенная въ густыя колонны для лучшаго отраженія кавалерійскихъ атакъ. Это отступленіе 10 баталіоновъ, подвергавшихся непрерывнымъ нападеніямъ 15.000 всадниковъ, представляетъ блистательный примѣръ превосходства пѣхоты, обла-

дающей мужествомъ и спокойствомъ, надъ запальчивою кавалеріею, повторяющей свои атаки безъ предварительной подготовки огнемъ артиллеріи. Невѣровскому, отступившему, по выраженію Сегюра, „какъ левъ“, удалось, хотя и не безъ чувствительныхъ потерь ¹⁾, достигнуть вечеромъ Корытню, гдѣ онъ былъ принятъ 50-мъ егерскимъ полкомъ съ 2 орудіями. Огонь этихъ орудій остановилъ дальнѣйшее преслѣдованіе. На слѣдующій день нашъ отрядъ спокойно продолжалъ отступление къ Смоленску, до котораго оставалось еще болѣе 20 верстъ; въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города онъ встрѣтился съ корпусомъ Раевского и соединился съ нимъ.

Генераль Раевскій расположился на позиціи въ 3-хъ верстахъ отъ города. Въ 5 часу по полудни показался его авангардъ, отступившій въ виду движенія значительныхъ непріятельскихъ силъ въ обходъ его лѣваго фланга. Тогда и Раевскій отошелъ на ночь къ Смоленску, въ предмѣстьяхъ и за стѣнами котораго онъ надѣялся найти средства къ рѣшительному отпору превосходныхъ силъ противника. Старинная городская стѣна до 40 ф. вышины и 18 ф. толщины со своими 17-ю башнями, хотя и не была приспособлена къ оборонѣ, представляла, однако, такую преграду, которую возможно было преодолѣть лишь овладѣніемъ двухъ воротъ и одного пролома. На западной сторонѣ городской стѣны выдается пятиугольное укрѣпленіе временъ Сигизмунда III, т. е. королевскій бастионъ, а передъ фронтомъ и флангами ея — предмѣстья: Красненское, Мстиславское, Рославльское, Никольское и Раченка. Третьи ворота и другой проломъ ²⁾ служили выходами къ Днѣпру, деревянный мостъ черезъ который соединялъ городъ съ Петербургскимъ предмѣстьемъ; для лучшаго обезпеченія тыльных сообщеній черезъ рѣку, были наведены еще два моста на понтонахъ. На этой-то позиціи ³⁾ Раевскій размѣстилъ свои войска къ бою слѣдующимъ образомъ: 26 дивизію съ 20-ю орудіями — въ Красненскомъ предмѣстьѣ и королевскомъ бастионѣ; пять полковъ 12-й дивизіи съ 28-ю орудіями въ Мстиславскомъ и Никольскомъ предмѣстьяхъ; два полка 27-й дивизіи съ 24-мя орудіями въ Рославльскомъ предмѣстьѣ; по одному полку 12-й и 27-й дивизій съ 4-мя орудіями — у моста на Днѣпрѣ; остальные три полка 28-й дивизіи въ городѣ, за стѣною и въ резервѣ; два кавалерійскихъ и четыре казачьихъ полка — на лѣвомъ флангѣ, для прикрытія Московской дороги.

¹⁾ Потеря эта, кромѣ 7 орудій, простиралась до 1.500 ч., въ числѣ которыхъ 800 плѣнныхъ.

²⁾ Проломы эти сдѣланы по случаю посѣщенія Смоленска императрицею Екатериною II, такъ какъ ворота оказались слѣшкомъ тѣсными для экипажа.

³⁾ См. планъ сраженія подъ Смоленскомъ 5 августа 1812 года.

На слѣдующій день, 4-го (16) августа въ 9 ч. утра, кавалерія Мюрата показала со стороны Краснаго и развернулась вправо отъ дороги; слѣдовавшая за нею пѣхота Нея выстроилась противъ королевскаго бастіона, лѣвымъ флангомъ къ Днѣпру. Вскорѣ начался артиллерійскій бой, продолжавшійся до вечера безъ особыхъ результатовъ. Попытки непріятели атаковать нашу сравнительно столь слабую кавалерію имѣли только послѣдствіемъ отступленіе послѣдней въ Никольское предмѣстіе; покушенія же Нея, весьма, впрочемъ, умѣренныя, овладѣть бастіономъ, не имѣли успѣха. Такъ прошелъ день гораздо спокойнѣе, нежели можно было ожидать, и самъ Раевскій говоритъ въ своихъ запискахъ: „Взвѣсивая съ одной стороны важность выдержаннаго мною дѣла, а съ другой—ничтожность потери, понесенной моими войсками, приписываю успѣхъ не столько собственнымъ соображеніямъ, сколько слабости атакъ Наполеона“. Эта „слабость атакъ“ была безъ сомнѣнія преднамѣренная: главныя силы противника находились еще въ движеніи и могли подойти лишь къ ночи, а потому овладѣніе Смоленскомъ войсками Мюрата и Нея составляло бы лишь частный успѣхъ,—Наполеону же необходима была общая и рѣшительная побѣда. Но къ этой ночи подошли и прочія войска нашихъ армій.

Такъ какъ намѣреніе Наполеона охватить лѣвый флангъ нашихъ армій и овладѣть Смоленскомъ и путемъ въ Москву ясно обнаружилось, то можно было предположить, что онъ, пользуясь большимъ превосходствомъ своихъ силъ ¹⁾, направитъ часть ихъ на Дорогобужъ. А потому Барклай условился съ Багратіономъ, что II армія, соединившись съ корпусомъ Раевского, двинется прямо къ Дорогобужу, а I армія приметъ на себя защиту Смоленска до полученія извѣстія о достиженіи предъидущею означеннаго пункта. При этомъ кв. Багратіонъ обязался оставить у Прудышевской переправы сильный отрядъ для прикрытія послѣдующаго передвиженія I арміи. Для обороны же Смоленска, кромѣ 6-го корпуса, смѣнявшаго 7-й, были назначены 27-я и 3-я дивизіи, 6-й егерскій полкъ 12-й д. и 3 драгунскихъ полка.

Въ 4 ч. утра 5 (17) августа II армія двинулась къ Дорогобужу, а Дохтуровъ съ ввѣренными ему войсками расположился въ Смоленскѣ слѣдующимъ образомъ: на правомъ флангѣ 24-я д. Лихачева въ Красненскомъ предмѣстьѣ и королевскомъ бастіонѣ; въ центрѣ

¹⁾ Въ бумагахъ маршала Бертье, взятыхъ при отступленіи французовъ, оказались оффиціальныя донесенія, удостовѣряющія, что у Смоленска было 225.000 ч. Собствен. замѣтки Барклая. Въ отечественной войнѣ Богдановича силы противника показаны въ 180.000 ч.

7-я д. Капцевича у Мстиславскаго и Рославльскаго предмѣстievъ; на лѣвомъ флангѣ 27-я д. Невѣровскаго у Никольскаго предмѣстiя и Раченки, имѣя передъ собою драгунъ г.-м. Скалона; въ резервѣ 3-я д. Коновницына. Дѣло началось перестрѣлкою, во время которой, въ 8 час. утра, Дохтуровъ предпринялъ вылазку, при чемъ ему удалось вытѣснить непріятеля изъ предмѣстievъ. Повидимому, Наполеонъ надѣялся, что Барклай, для спасенія города, перейдетъ подъ защитою его стѣнъ Днѣпръ и рѣшится на сраженіе. Но Барклай и не думалъ выйти со своими 70.000—75.000 чел. противъ 140.000-й арміи, поджидавшей къ вечеру еще 40.000 ч.; онъ готовился дать отпоръ атакующему и поставилъ съ этою цѣлью на высотахъ вправо и влѣво отъ города батареи для обстрѣливанія подступовъ наступающихъ колоннъ. Вскорѣ и Наполеонъ созналъ, что его ожиданія тщетны; получивъ донесенія о движеніи II арміи къ Дорогобужу, онъ понялъ, что перейти черезъ Днѣпръ придется не Барклаю, а ему самому. Но какъ перейти? Броды неизвѣстны, а мосты строить долго; остается только одно: взять городъ, и онъ не поколебался это предпринять. Въ 3 часа взвилась ракета, а потомъ другая и третья; послѣдняя послужила сигналомъ, потому что вслѣдъ за нею около 200 ядеръ и гранатъ посыпались въ городъ, до тѣхъ поръ пощаженный. Эта канонада послужила также предвѣстіемъ общаго наступленія. Первыми были атакованы дивизіею Брюѣра наши драгуны, которые, будучи опрокинуты, поспѣшно отступили въ городъ, при чемъ погибъ генераль Скалонъ. Въ то же время Понятовскій выдвинулъ свою пѣхоту противъ Никольскаго и Раченки и поставилъ 60 орудій у берега рѣки для обстрѣливанія нашихъ мостовъ и батареи Нилуса, поставленной Барклаемъ на правой сторонѣ Днѣпра. Отъ непріятельскихъ гранатъ загорѣлись нѣкоторыя строенія; этимъ воспользовались поляки, чтобы продолжать наступленіе, при чемъ генераль Грабовскій лишился жизни; но, достигнувъ городской стѣны и не имѣя лѣстницъ, они были отбиты съ огромною потерею; въ числѣ раненыхъ былъ начальникъ дивизіи генераль Заіончикъ. Между тѣмъ Ней овладѣлъ на нашемъ правомъ флангѣ безъ большихъ усилій Красненскимъ предмѣстiemъ; однако, онъ не рѣшался атаковать королевскій бастіонъ. Быть можетъ, Наполеонъ и не хотѣлъ подвергать его значительнымъ потерямъ, такъ какъ главная атака была назначена на нашъ центръ; эту задачу онъ возложилъ на маршала Даву, который устремилъ три дивизіи своего корпуса, Морана, Гюдена и Фріана, въ Мстиславское и Рославльское предмѣстiя. Послѣ упорнаго боя Капцевичъ и подкрѣпившій его Коновницынъ отступили въ городъ. Тогда Дохтуровъ послалъ къ Барклаю-де-Толли просить о помощи;

послѣдній отвѣтилъ: „Передайте Дмитрію Сергіевичу, что отъ его мужества зависитъ сохраненіе всей арміи“, и послалъ ему въ подкрѣпленіе 4-ю дивизію принца Евгенія Виртембергскаго и л.-гв. Егерскій полкъ. Между тѣмъ и непріятель сдѣлалъ новыя усилія для овладѣнія городомъ: 36 батарейныхъ орудій были вновь подвезены къ стѣнамъ Смоленска, такъ что общее число ихъ дошло до 150-ти; снаряды ихъ крѣпкимъ городскимъ стѣнамъ мало вредили, но перелетавшіе черезъ нихъ поражали людей на улицахъ и производили пожары. Въ 5 ч. Наполеонъ приказалъ маршалу Даву штурмовать городъ, и вслѣдъ затѣмъ французы пошли на приступъ такъ смѣло и рѣшительно, что едва не овладѣли Малаховскими воротами; но тамъ встрѣтили ихъ свѣжія войска 4-й и 3-й дивизій. Принцъ Виртембергскій, опередивъ свою дивизію и наскоро переговоривъ у этихъ воротъ съ Дохтуровымъ и Коновницынымъ, поспѣшилъ ей навстрѣчу и отрядилъ Тобольскій и Волынскій полки къ Раченкѣ противъ поляковъ, а Кременчугскій и Минскій—на правый флангъ въ помощь Лихачеву. Самъ же онъ съ 4-мъ егерскимъ полкомъ и Коновницынъ съ частью своей дивизіи бросились на французовъ, приступавшихъ къ Малахову и опрокинули ихъ. Тутъ произошелъ горячій бой, при которомъ Коновницынъ былъ раненъ въ руку, а принцъ устремился со своими егерями изъ воротъ въ прикрытый путь и выбилъ оттуда непріятеля.

Наполеонъ, убѣдившись въ невозможности взять городъ штурмомъ, усилилъ артиллерійскій огонь гаубицами, бросавшими разрывные снаряды и распространявшими пожары и опустошеніе. Въ 7 час. вечера покушеніе на штурмъ было возобновлено, но опять безуспѣшно. Въ этотъ разъ главное усиліе было направлено противъ нашего праваго фланга; однако, осторожный Барклай своевременно прислалъ туда 30 и 48 егерскіе полки 17-й дивизіи, которые и отбросили противника. Въ 9 час. канонада умолкла, и войска наши расположились за городской стѣною, выславъ свои цѣпи въ предмѣстья и прикрытый путь. Они дрались этотъ день съ необыкновеннымъ упорствомъ и даже раненые неохотно шли на перевязочный пунктъ; самъ Коновницынъ не позволилъ сдѣлать себѣ перевязки до окончанія боя. Потери, особенно у противника, были очень велики; у насъ число убитыхъ и раненыхъ доходило до 5.000 ч., а у непріятеля до 12.000 ч.

Барклай-де-Толли, не признавая возможнымъ продолжать оборону пылающаго Смоленска, приказалъ Дохтурову оставить городъ и затѣмъ уничтожить мосты. Войска II арміи, перейдя Днѣпръ, повернули направо и направились къ Дорогобужу. Части I арміи послѣдовали на прежнюю позицію у Порѣчьенской дороги близъ

города; послѣдними вышли войска Коновницына и принца Евгенія, которые въ 4 ч. утра развели пловучіе мосты и зажгли постоянный. Но вслѣдъ затѣмъ совершенно неожиданно завязался новый, хотя и кратковременный, бой. Маршалъ Ней, вступившій въ оставленный нами городъ, полагалъ, что и Петербургское предмѣстье на правомъ берегу Днѣпра очищено, и послалъ пѣхотныя части вбродъ для занятія его. Находяшіеся тамъ егеря 17-й дивизіи, не ожидая встрѣчи были выбиты. Къ счастью, это было замѣчено Барклаемъ, который приказалъ егерской бригадѣ Коновницына возвратиться и атаковать непріятеля; къ ней присоединились также егеря 17-й дивизіи, и въ короткое время французы были оттѣснены за Днѣпръ. Тогда же былъ составленъ новый арріергардъ изъ 14-ти баталіоновъ и 16-ти эскадроновъ Сумскаго и Маріупольскаго полковъ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Корфа, который занялъ предмѣстье и завязалъ перестрѣлку, продолжавшуюся до ночи.

Послѣдніе два дня были столь утомительны для войскъ, что главнокомандующій призналъ необходимымъ дать имъ отдыхъ. И дѣйствительно, 4-го августа они сдѣлали усиленный переходъ до 40 верстъ; ночью Дохтуровъ смѣнилъ въ Смоленскѣ Раевского; 5-го значительная часть арміи участвовала въ сраженіи, продолжавшемся до поздняго вечера. А потому дальнѣйшее движеніе къ Дорогобужу было отложено до вечера 6-го августа. Между тѣмъ Барклаемъ-де-Толли получено было письмо отъ кн. Багратіона, извѣщавшаго, будто значительныя силы непріятеля слѣдуютъ черезъ Ельню на Дорогобужъ, и убѣждавшаго его не только держаться въ Смоленскѣ, но и перейти къ рѣшительному наступленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Багратіонъ просилъ также усилить его однимъ корпусомъ I-й арміи. Трудно понять, какимъ образомъ опытный военачальникъ, какъ Багратіонъ, просившій о подкрѣпленіи его цѣлымъ корпусомъ I арміи и знавшій, что въ ней осталось бы затѣмъ едва 65.000 ч., могъ убѣждать Барклая перейти съ такими силами черезъ Днѣпръ и атаковать Наполеона, располагавшаго арміей въ 170.000 ч., горѣвшей желаніемъ помѣриться съ русскими въ генеральномъ сраженіи. Какъ трудно было главнокомандующему оставаться непоколебимымъ среди окружавшаго его слѣпого оптимизма, вызваннаго успѣшною обороною Смоленска, усматривается изъ его отвѣта графу Кутайсову, доложившему ему просьбу и желаніе старшихъ начальниковъ, чтобы защита города продолжалась. Внимательно выслушавъ начальника артиллеріи, Барклай-де-Толли ласково, но твердо отвѣтилъ: „Пусть всякій дѣлаетъ свое дѣло, а я сдѣлаю свое“ ¹⁾. И въ это самое время прибыло письмо Багратіона,

¹⁾ Изъ записокъ гр. П. Х. Граббе.

которое тотчас же сдѣлалось извѣстнымъ главнымъ порицателямъ въ главной квартирѣ и до такой степени взволновало ихъ, что, потерявъ всякое самообладаніе, они рѣшились отправиться къ главнокомандующему и побудить его къ отмѣнѣ распоряженій, не соотвѣтствовавшихъ заманчивымъ соображеніямъ Багратиона. Герцогъ А. Виртембергскій, генералы Беннигсенъ, Корсаковъ и Армфельдъ ¹⁾, не имѣвшіе никакихъ обязанностей въ арміи, сочли, однако, себя призванными заявить ея желанія. Чтобы придать демонстраціи болѣе значенія, а можетъ быть, чтобы отвлечь отъ себя отвѣтственность, они заручились также содѣйствіемъ Великаго Князя, сдѣлавшагося, такимъ образомъ, главою самовольной депутаціи. Вмѣстѣ съ ними пришли еще Тучковъ I и Ермоловъ; первый, вѣроятно, не зналъ въ чемъ дѣло и присоединился къ названнымъ лицамъ, какъ начальникъ той части арміи, гдѣ находился главнокомандующій; что касается Ермолова, то присутствіе его какъ начальника штаба могло быть случайное. Неожиданное появленіе лицъ къ дѣлу не причастныхъ не могло не удивить Барклая; но удивленіе его возросло, когда Великій Князь именемъ всѣхъ сталъ объяснять, что армія тяготеетъ постояннымъ отступленіемъ, желаетъ другого образа дѣйствій, хочетъ помѣриться съ противникомъ, и что такова же воля Императора. Тогда Барклай-де-Толли, давъ Великому Князю договорить, въ краткихъ отрывочныхъ словахъ объявилъ пришедшимъ, что когда нуждается въ совѣтѣ, то приглашаетъ кого нужно, и признаетъ всѣ непрошенные совѣты противными правиламъ службы; затѣмъ, обратившись къ Цесаревичу Константину Павловичу, онъ добавилъ, что ссылка на волю Монарха имѣетъ столь важное значеніе, что для лучшаго выясненія этой воли Его Высочеству необходимо безотлагательно отправиться къ Императору и лично передать депеши, которыя тотчасъ будутъ приготовлены ²⁾. Таковъ былъ исходъ этой удивительной сцены, не соотвѣтствовавшей, конечно, ожиданіямъ дѣйствовавшихъ въ ней лицъ. Великій Князь, передаетъ очевидецъ, былъ „въ высшей степени раздраженъ и сравнивалъ свое отправленіе съ должностью фельдъегера“ ³⁾.

Желая скрыть отъ непріятели первоначальное отступленіе арміи и облегчить ей фланговое передвиженіе на Московскую дорогу, главнокомандующій отдалъ диспозицію, по которой ей назначено было выступить вечеромъ 6-го (18) августа двумя колоннами:

¹⁾ Н. Reitzke. Geschichte des russischen Krieges im Jahre 1812.

²⁾ Сообщено генераль-адъют. бар. Мейендорфъ, состоявшимъ при Тучковѣ офицеромъ квартирм. части.

³⁾ Жиркевичъ. „Русская Старина“ 1874 г., стр. 651.

первая, подъ начальствомъ Дохтурова, изъ 5-го и 6-го пѣхотныхъ, 2-го и 3-го кавалер. корпусовъ и резервной артиллеріи, въ 7 ч.—на Стабню и Сущево къ Прудичу, а въ слѣдующій день къ Соловьевой переправѣ; вторая, подъ начальствомъ Тучкова I, изъ 2-го, 3-го и 4-го пѣхот. и 1-го кав. корпусовъ, въ 9 ч.—чрезъ Крахоткино и Горбуновъ на Московскую дорогу до Бредихина; а на другой день также къ Соловьеву. Баронъ Корфъ получилъ приказаніе снять до разсвѣта передовые посты и отступать за второю колонною, а атаманъ Платовъ—придать часть казаковъ арріергарду Корфа, съ остальными же отступить цѣпью отрядовъ между Смоленскомъ и Холмомъ за армію, стягивать ихъ по мѣрѣ отступленія къ Днѣпру и составить у Соловьева главный арріергардъ всѣхъ собранныхъ тамъ силъ. Предусмотрительный Барклай, хотя и могъ считать Московскую дорогу обезпеченною войсками II арміи, приказалъ, однако, особому авангарду изъ трехъ пѣхотныхъ и трехъ казачьихъ полковъ, Елисаветградскихъ гусаръ и роты артиллеріи, подъ начальствомъ генерала Тучкова 3, выступить въ 8 ч. и слѣдовать въ головѣ 2-й колонны для устраненія какихъ-либо неожиданныхъ препятствій. Эта предосторожность, какъ увидимъ, избавила армію отъ опасныхъ осложненій.

Авангардъ 2-й колонны, задержанный дурнымъ состояніемъ дороги и ветхостью мостовъ, подошелъ къ Московской дорогѣ лишь въ 8 ч. утра. Стоявшій же тамъ отрядъ II арміи кн. Горчакова, какъ только передовыя войска авангарда, подъ начальствомъ генерала Всеволожскаго, были усмотрѣны, выступилъ къ Соловьевой-переправѣ, предоставивъ дальнѣйшее наблюденіе за дорогой изъ Смоленска и переправой у Прудичева казакамъ Карпова. Тогда Тучковъ 3 рѣшился прикрыть со своимъ отрядомъ путь, на который 2-я колонна должна выйти, и послалъ Всеволожскому, начавшему уже движеніе къ Бредихину, приказаніе вернуться. Вскорѣ обнаружилось, что казаки Карпова уже оттѣснены къ Валутиной горѣ, и что непріятельскія войска, переправившіяся у Прудичева, наступаютъ по Московской дорогѣ. При такихъ обстоятельствахъ Тучковъ и сопровождавшій его полковникъ Толь признали необходимымъ занять съ отрядомъ позицію за р. Колоднею, впереди которой стоялъ Карповъ.

Между тѣмъ совершенно неожиданно произошло дѣло близъ Смоленска. При выступленіи 2-й колонны 4-й корпусъ запоздалъ и потерялъ связь съ 3-мъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ его полковъ, а также изъ полковъ 2-го корпуса сбились съ дороги и очутились въ 5-мъ ч. утра у Гедеонова, въ верстѣ отъ Смоленска. При послѣднихъ оказался и принцъ Е. Виртембергскій. Въ это

время войска маршала Нея, успѣвшія переправиться черезъ Днѣпръ, устраивались въ Петербургскомъ предмѣстьѣ. Замѣшательство, происшедшее отъ столкновенія нашихъ колоннъ, могло имѣть гибельныя послѣдствія, если бы оно было извѣстно непріятелю. Къ счастью, въ это самое время внезапно появился Барклай-де-Толли. Выѣхавъ ночью и рассчитывая слѣдовать съ послѣдними войсками, онъ къ удивленію своему узналъ о происшедшей путаницѣ. Сообразивъ опасность, угрожавшую арміи, онъ немедленно, но совершенно спокойно сдѣлалъ всѣ распоряженія къ восстановленію порядка: генералу Ермолову поручено ускорить движеніе 2-й колонны; заблудившимся частямъ даны путеводители; ближайшіе полки задержаны для встрѣчи могущаго неожиданно атаковать непріятеля; составляемый для сего отрядъ порученъ принцу Виртембергскому, съ приказаніемъ держаться у Гедеонова до возвращенія Корфа, „теперь нужно еще болѣе усердія, нежели третьяго дня“, сказалъ главнокомандующій принцу, „дѣло идетъ о спасеніи арміи“.

Маршалъ Ней былъ въ недоумѣніи: Корфъ отступалъ по Петербургской дорогѣ; по Московской виднѣлись казаки Карпова; у Гедеонова находились различныя войска. А потому онъ выжидалъ болѣе опредѣлительныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ, которыя могли ему быть доставлены кавалеріею Мюрата, переправившейся черезъ Днѣпръ послѣ пѣхоты. При этомъ корпуса Нансуги и Монбрюнъ были посланы для развѣдыванія по Московской дорогѣ, а корпусъ Груши—по Петербургской. Бездѣйствіе Нея дало возможность принцу Евгенію приготовиться къ оборонѣ. Въ 8 ч. утра началась перестрѣлка, въ 9 ч. вышли французскія колонны и атаковали Тобольскій баталіонъ, стоявшій впереди позиціи въ полуразрушенномъ земляномъ укрѣпленіи, и окружили его. Тогда Бѣлозерскій полкъ бросился на выручку, но и онъ былъ атакованъ превосходными силами и вынужденъ къ отступленію. Тѣмъ не менѣе бой продолжался съ перемѣннымъ успѣхомъ, пока въ 10-мъ часу резервы противника пришли въ движеніе, и кавалерія его развернулась у Московской дороги и направилась на Вильманстрандскій полкъ, занимавшій лѣвый флангъ позиціи у дороги къ Горбунову. Увидя это и опасаясь за дорогу, принцъ бросился съ ближайшимъ эскадрономъ гусаръ во флангъ французовъ; но въ то самое время послѣдніе были настигнуты и атакованы кавалеріею бар. Корфа, которую главнокомандующій, слѣдившій за ходомъ дѣла съ высоты за Гедеоновымъ, направилъ въ критическую минуту къ угрожаемому пункту. Этотъ успѣхъ задержалъ непріятеля, а между тѣмъ подошла пѣхота Корфа. Тогда и центръ, оттѣснивъ французовъ, свободно отошелъ, и весь отрядъ получилъ приказаніе продолжать движеніе на Горбуново.

Между тѣмъ и прочія войска Наполеона стали прибывать и занимать мѣста, имъ назначенныя. Корпусъ Жюно переправлялся у Прудищева; корпусъ Даву, оставивъ одну дивизію у Нея, расположился съ четырьмя другими вблизи Петербургскаго предмѣстья; гвардія заняла городъ, куда подходилъ также корпусъ вице-короля; корпусъ Понятовскаго остался на лѣвомъ берегу Днѣпра, выше Смоленска. По прекращеніи дѣла у Гедеонова, Ней двинулся по Московской дорогѣ; за нимъ послѣдовали двѣ дивизіи корпуса Даву, кавалерія Мюрата и корпусъ Жюно. Но общаго начальника не было.

Около полудня непріятель появился передъ позиціей Тучкова 3, на которой 20-й и 21-й егерскіе полки кн. Шаховскаго занимали кустарники по сторонамъ большой дороги, имѣя между собою артиллерійскую роту; Ревельскій полкъ и Елисаветградскіе гусары стали въ резервъ, а казаки—на лѣвомъ флангѣ. Приготовленія противника къ бою продолжались цѣлый часъ; тогда подоспѣли и приведенные Ермоловымъ лейбъ-гренадерскій и грен. гр. Аракчеева полки съ батареею ротою. Эта помощь дала Тучкову возможность продержаться до 3-хъ ч., когда значительное превосходство французовъ вынудило его отойти за р. Страгань и занять тамъ новую позицію, которую необходимо было оборонять до крайности, такъ какъ она прикрывала выходъ 2-й колонны на Московскую дорогу. Но къ тому времени главнокомандующій успѣлъ выслать еще главные полки 4-го корпуса: Екатеринбургскій, Елецкій и Рыльскій, а также одинъ изъ сводныхъ баталіоновъ 3-го корпуса. Такимъ образомъ, въ 4 ч. отрядъ Тучкова возросъ до 17 баталіоновъ, въ числѣ 8.000 ч., и расположился на новой позиціи въ слѣдующемъ порядкѣ: въ центрѣ, у большой дороги, вся артиллерія, лейбъ-гренадерскій, Екатеринбургскій и Елецкій полки; на правомъ флангѣ Ревельскій полкъ; влѣво отъ дороги, въ кустарникѣ, 20-й и 21-й егерскіе полки, имѣя въ резервъ сводный бат. гр. Аракчеева полка; еще лѣвѣе, въ рошѣ, Рыльскій п. съ другимъ Аракчеевскимъ баталіономъ въ резервъ; казаки Карпова стали на оконечности лѣв. фланга, нѣсколько впереди. Между тѣмъ генераль Ермоловъ, узнавъ о движеніи кавалеріи Мюрата и корпуса Жюно послалъ именемъ главнокомандующаго гр. Орлову-Денисову приказаніе слѣдовать на-рысяхъ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ къ Заболотью и, не доходя болота, расположиться на высотахъ. Ему же были подчинены 26 эскадроновъ гусаръ, съ 4 кон. орудіями, высланные Барклаемъ-де-Толли изъ отряда бар. Корфа.

Послѣ канонады, продолжавшейся около часа, Ней двинулъ дивизію Гюдена двумя колоннами противъ нашего центра и прика-

залъ дивизіи Разу атаковать нашъ лѣвый флангъ. Четыре раза французы бросались на наши орудія, но каждый разъ были отражаемы нашею пѣхотою, при чемъ особенно отличались лейбъ-гренадеры. Въ послѣдній разъ начальникъ дивизіи генералъ Гюденъ былъ смертельно раненъ. Съ такою же энергіею атаковали и войска Разу, они выбили изъ роши Рыльскій полкъ и отѣснили даже егерей 20 и 21 полковъ, но затѣмъ были сами атакованы и отброшены баталіонами резерва. Тогда противникъ усилилъ артиллерійскій огонь, вѣроятно съ цѣлью подготовить новую атаку, но въ это время подходили къ намъ другія еще войска 2-й колонны, а вмѣстѣ съ ними прибылъ и самъ главнокомандующій, который лично сталъ распоряжаться съ обычнымъ хладнокровіемъ. Предвидя возобновленіе дѣйствій противъ центра, онъ приказалъ Коновницыну двинуться съ Муромскимъ, Черниговскимъ и Копорскимъ полками на его подкрѣпленіе; въ то же время онъ направилъ Екатеринославскій п. на правый флангъ, а Перновскій и Полоцкій полки, съ ротою конной артиллеріи,—на усиленіе кавалеріи лѣваго фланга. Тогда же Кексгольмскій полкъ получилъ приказаніе занять рошу правѣе 1-го кавал. корпуса, а Павловскій, Таврическій и Санкт-петербургскій, съ тремя артил. ротами,—остановиться у Лубина и составить общій резервъ. Еще передъ тѣмъ маршалъ Ожеро, уступая настояніямъ Мюрата, выслалъ свою кавалерію, которой удалось опрокинуть нашихъ казаковъ на стоявшихъ за ними Сумскихъ гусаръ и произвести безпорядокъ; но вслѣдъ за симъ Маріупольскіе и Елисаветградскіе гусары атаковали непріятеля во флангъ и, повторяя эти атаки, препятствовали французской кавалеріи развернуться. Однако, дѣйствія Ожеро этимъ не ограничились. Около 5 ч. гр. Орловъ замѣтилъ движеніе непріятельской кавалеріи въ обходъ нашихъ казаковъ и приказалъ тогда всѣмъ своимъ линіямъ завернуть лѣвый флангъ назадъ, поставилъ гусаръ и казаковъ въ колоннахъ за флангами боевыхъ линій, скрылъ свои 16 орудій на пригоркѣ и приблизилъ къ нимъ посланные къ нему пѣхотные полки. Около 6-ти ч. дивизія Охса направилась на правый флангъ Орлова; батареи допустили ее до картечнаго выстрѣла и затѣмъ открыли сильнѣйшую канонаду, къ которой присоединился усиленный огонь пѣхоты. Непритель былъ отраженъ съ большими потерями и преслѣдуемъ гусарами и казаками. Одновременно съ этими дѣйствіями противника противъ нашего лѣваго фланга, возобновились съ новою энергіею покушенія его на нашъ центръ и правый флангъ. Атака была произведена съ такою рѣшимостью, что полки наши не могли устоять и подались назадъ; но затѣмъ огонь нашихъ батарей, усиленный 12-ю орудіями и сосредоточенный по насту-

навшимъ войскамъ, лишилъ ихъ возможности выдержать стремительную атаку Коновницына, который отбросилъ ихъ обратно. Тогда французы обратили свои усилія на нашъ правый флангъ; но и тамъ, послѣ мимолетнаго успѣха, они были атакованы и отброшены лейбъ-гренадерскимъ полкомъ. Въ 8 ч. борьба, казалось, повсюду прекратилась. Однако въ 9 ч., когда уже смерклось, дивизія Гюдена, подъ начальствомъ замѣнившаго его Жерара, снова кинулась на позицію центра. Тучковъ повелъ ей навстрѣчу Екатеринославскій п., но при этомъ подъ нимъ убита была лошадь; тогда онъ пошелъ въ головѣ первыхъ рядовъ пѣшкомъ; однако, гренадеры были отбиты, а Тучковъ, раненый штыкомъ въ бокъ и въ голову, остался въ рукахъ французовъ. Два полка 2-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Олсуфьева, прекратили движеніе непріятеля, но возвратить Тучкова не могли. Такъ кончился день 7-го августа. Прибывшія еще послѣднія части 2-го корпуса и отряда бар. Корфа расположились на ночь за центромъ позиціи, и всѣ войска 2-й колонны получили приказаніе выступить на слѣдующій день въ 4 ч. утра и слѣдовать къ Соловьеву.

Сраженіе при Валутинной горѣ и у Лубина было весьма кровопролитно; потери дня, считая таковыя вмѣстѣ съ убитыми и ранеными при Гедеоновѣ, доходили у непріятеля почти до 9.000 (8.768) ч., а у насъ до 5.000 ч. Сраженіе это составило послѣдній актъ кровавой драмы у Смоленска, начавшейся 2-го августа при Красномъ и стоявшей Наполеону около 21.000 ч., при чемъ главная цѣль его не была достигнута: вовлечь нашу армію въ генеральное сраженіе и одержать надъ нею побѣду. Но сраженіе при Валутинной горѣ имѣло также значеніе въ отношеніи всей войны и служить нѣкоторымъ образомъ рубежомъ между положеніемъ дѣлъ до Смоленска и дѣйствіями, затѣмъ послѣдовавшими. Въ военномъ отношеніи положеніе нашей арміи по отступленіи ея отъ Смоленска стало гораздо благопріятнѣе, чѣмъ прежде. Главная цѣль Барклая, постоянное ослабленіе противника до уравниенія силъ, была въ значительной степени уже достигнута: въ началѣ войны число войскъ Наполеона превышало наши арміи гораздо болѣе, чѣмъ вдвое, а послѣ Валутинскаго сраженія только въ полтора раза. Каждый дальнѣйшій шагъ въ глубь Россіи сближалъ насъ съ подкрѣпленіями и отдалялъ французовъ отъ родины и источниковъ. Затрудненій въ продовольствіи войскъ, въ виду готовности всего населенія служить имъ, нельзя было ожидать; непріятель же испытывалъ недостатокъ съ самаго начала войны, и недостатокъ этотъ могъ въ будущемъ достигнуть ужасныхъ размѣровъ. Обстоятельства эти были тогда уже очевидны не только для Барклая и немногихъ лицъ,

пр
из
ле
ти
дв
ве
вс
н
к
д

ОРНА, СПБ., МЪЩАНСКІЯ